

РЕЦЕНЗИИ

УДК 34;396;94

С. В. Волкова, Н. И. Малышева

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЙСКИХ ЖЕНЩИН В СРЕДНИЕ ВЕКА*

В рецензии на монографию доцента Ю. С. Мыльниковой отмечается, что это первое в российском Китаеведении комплексное, логически завершённое исследование правового положения женщин в истории Китая VII–XIII вв., проведенное на основе законодательных источников. Автору монографии удалось преодолеть трафаретное представление о полном бесправии женщин в традиционном Китае, сделав вывод о том, что широта предоставляемых законом прав женщинам в эпоху Тан — Сун беспрецедентна в истории императорского Китая. В рецензии приводятся некоторые ключевые положения и выводы по основным рассматриваемым в монографии вопросам, актуальным с точки зрения юристов, изучающих право Китая. Прежде всего это вопросы отражения правового статуса женщины в законодательных и судебных актах. Правовое положение женщин в монографии анализируется во всем многообразии их социальных ролей в средневековом Китае: дочери, жены, матери, мачехи, вдовы, наложницы, монахини, певички, служанки-рабыни. Серьезное внимание уделено женщине как жертве и субъекту ответственности в сексуальных и семейных преступлениях. В рецензии подчеркивается востребованность монографии с позиции юридических наук и их преподавания. Библиогр. 2 назв.

Ключевые слова: средневековый Китай, история права, правовое положение женщин, семья и брак, правонарушения и юридическая ответственность.

S. V. Volkova, N. I. Malysheva

THE LEGAL STATUS OF CHINESE WOMEN IN THE MIDDLE AGES

In the Review of the Book by associate professor Yu. S. Mylnikova authors note that this is the first comprehensive, logically completed study of women's legal status in the China history (7th–13th cen-

Волкова Светлана Васильевна — кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; theory@jurfak.spb.ru

Малышева Наталия Ивановна — кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.malysheva@spbu.ru

Volkova Svetlana V. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; theory@jurfak.spb.ru

Malysheva Nataliya I. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; n.malysheva@spbu.ru

* Рецензия на книгу: Мыльникова Ю. С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII–XIII века). СПб.: НП-ПРИНТ, 2014. 336 с.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

turies) conducted on the basis of legislative sources in Russian Sinology. The author of the Book managed to overcome the stereotyped idea of the complete lack of rights of women in traditional China, concluding that the none-rights status granted to women in the Tang-Song era is unprecedented in the history of Imperial China. The review contains some key provisions and conclusions on the main issues discussed in the Book, relevant, first of all, from the point of view of lawyers studying the Law of China. These are issues of reflecting the women's legal status in legislative and judicial acts. At the same time, the women's legal status in the Book is analyzed in the whole variety of their social roles in Medieval China: daughter, wife, mother, stepmother, widow, concubine, nun, singer, servant slave. Serious attention is paid to the woman as a victim and subject of responsibility in sexual and family crimes. The review emphasises the relevance of the monograph from the standpoint of the legal sciences and their teaching. Refs 2.

Keywords: Medieval China, law history, women's legal status, family status, offense, liability.

В 2017/18 учебном году в Санкт-Петербургском государственном университете начала реализовываться новая образовательная программа «Юриспруденция с углубленным изучением китайского языка и права КНР». Чтобы глубже познакомиться с китайской «спецификой», преподаватели юридических дисциплин обратились к широкому кругу литературы в области российского китаеведения.

Среди многих интересных работ наше внимание привлекла книга Юлии Сергеевны Мыльниковой «Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII–XIII века)», представляющая собой монографию, основанную на исследовании правовых источников указанной эпохи. Автору удалось переосмыслить некоторые односторонние взгляды и толкования, связанные с правовым положением женщины в средневековом Китае, существовавшие до конца XX в. Не секрет, что бытует некое трафаретное представление о полном бесправии женщин в традиционном Китае. Автор монографии демонстрирует иной подход к данной проблеме, базирующийся на новых исследованиях в области истории, этнографии, права, социологии, психологии, археологии, антропологии, который позволил более достоверно осветить аспекты правового положения женщины в семье и обществе средневекового Китая.

Буквально на первых страницах книги Ю. С. Мыльникова, не отрицая влияния моральных норм *ли* на законодательство, замечает, что праву в средневековом Китае все-таки отводилась существенная и определяющая роль [1, с. 8]. Для юриста интригующим представляется заявление, что автор монографии готов «попытаться представить новую интерпретацию отношения к праву вообще и к правовому положению женщины в частности» [1, с. 9].

Исторические рамки исследования — VII–XIII вв. — обусловлены тем, что в истории китайского права, точнее кодифицированного права, период правления династий Тан, Северной и Южной Сун рассматривается как единый, о чем автор монографии предупреждает читателей уже во введении [1, с. 10].

На наш взгляд, дополнительный интерес монографическому исследованию придало и то, что оно написано в русле сравнительно нового направления исторической науки — изучения «женской» истории, которое нечасто проводится с акцентом на правовые аспекты. У юристов также имеются специальные работы, посвященные, например, правовому положению женщин в Афинском полисе [2].

Внушает уважение солидный набор приложений, приведенных в конце книги: Приложение 1. Кодексы Китая с древности до начала XX в. [1, с. 257–259]; Приложение 2. Глоссарий [1, с. 261–268]; Приложение 3. Переводы отдельных статей законов группы лин, кодекса династии Сун, свода законов по категориям периода Цин-юань [1, с. 269–284]; Приложение 4. Переводы судебных решений из сборника «Мингун шупань цинмин цзи» [1, с. 285–341]. Подчеркнем, что переводы источников китайского права на русский язык осуществлены самим автором монографии впервые в отечественной науке. Украшают книгу и 24 иллюстрации, посвященные образам китайских женщин и сюжетам из их жизни.

Рецензируемая книга состоит из *четырёх глав*.

Первая глава посвящена обзору источников и историографии вопроса. В первом разделе данной главы определяются важнейшие источники китайского традиционного права VII–XIII вв. и дается их характеристика.

При написании книги автор использовал доступные танские и сунские источники — кодексы, отдельные законы, указы, а также научные труды китайских, западных, российских и отчасти японских исследователей. Список использованных источников и литературы насчитывает около полутора сотен единиц.

Для юристов, изучающих право Китая, представляется немаловажным уяснить с помощью данной книги четыре категории письменных законов *фа*, сложившихся в начале VII в.: кодексы *люй* (в англ. переводе — *codes*), *лин* (англ. *statutes*), *гэ* (в англ. *regulations*), *ши* (англ. *ordinances*). *Люй* в научной литературе обычно относят к уголовным кодексам. Они содержали в себе нормы уголовного права, устанавливали систему преступлений и наказаний. *Лин* относят к административным статутам, т. е. к законам, содержащим нормы административного права; правда, исходя из анализа текста некоторых *лин*, мы сталкиваемся также с элементами гражданского и наследственного права. *Гэ* представляли собой законы, дополняющие *люй* и *лин*. *Ши* можно определить как инструкции, предназначенные для чиновников различного уровня с целью реализации их полномочий и процедур делопроизводства [1, с. 16–17].

На протяжении веков конфуцианские взгляды на мораль и право оказывали решающее влияние на три взаимосвязанные категории: правотворчество, правоприменение и правосознание. По мнению Ю. С. Мыльниковой, не будет преувеличением сказать, что система морально-этических норм *ли* была доминантой для всех трех правовых категорий [1, с. 21]. В научной литературе это явление охарактеризовано как «конфуцианизация китайского права»

Ю. С. Мыльникова не отрицает важности и значимости моральных норм *ли* для всех слоев населения страны, включая императора, чиновников, простых подданных, но подчеркивает, что свое законодательное закрепление моральные нормы получали в письменном виде, т. е. в законах *фа* [1, с. 23].

Во втором разделе первой главы автор анализирует различные представления о роли женщины в китайском обществе в трудах российских и иностранных ученых.

Автор монографии отмечает высокие достижения западной синологии в деле изучения истории китайских женщин. Если «старая» китайская историческая наука всегда писала о женщинах, то до начала XX в. изучение общественного положения женщины было сведено к минимуму или практически игнорировалось в связи с представлением о доминирующем положении мужчин в публичной сфере и вытеснением женщин из последней [1, с. 45]. На рубеже XX–XXI вв. произошел существенный прорыв в изучении положения женщины в истории Китая, в частности в средневековый период. Это связано в числе прочего и с реинтерпретацией известных источников с применением новой методологии гендерно-исторического анализа. Однако, по мнению Ю. С. Мыльниковой, вопрос о положении женщин в истории Китая по-прежнему почти не попадает в сферу научного интереса российских исследователей [1, с. 51].

Вторая глава обращается к отражению правового статуса женщины в законодательных и судебных актах.

Китайское традиционное право, в частности право династий Тан и Сун, рассматривало положение женщин в рамках двух основных групп населения (люди лично-свободные и люди, лишённые личной свободы, принадлежавшие частным лицам или государству). При определении меры наказания для женщин создатели законов исходили из следования принципу более мягкого наказания, а в некоторых случаях даже действовало правило «женщины не подвергаются наказанию» [1, с. 54].

В первом разделе второй главы анализируется положение дочери, жены, матери, мачехи, ведь на определение меры наказания влияло не только происхождение, но и место человека в системе родства. Семья и традиционная клановая организация играли чрезвычайно важную роль в обществе Китая в рассматриваемый период.

Правовое положение дочерей по сравнению с сыновьями не столько определялось гендерным различием, сколько зависело от старшинства. При определении меры наказания законодательство Тан и Сун исходило из того, какое место занимала женщина в общесемейной возрастной иерархии, т. е. из очередности рождения детей [1, с. 62]. Однако автором монографии не прояснен вопрос, как влияла очередность рождения не только на отношения между братьями и сестрами, но и на отношения между главой семьи (например, отцом) и другими ее членами.

Как подчеркивает Ю. С. Мыльникова, танское и сунское право позволяют достаточно четко проследить разницу в статусе социальных ролей женщины на разных этапах ее жизни [1, с. 60].

При сопоставлении положения супругов путем анализа законодательных установлений автор монографии выявляет действие конфуцианского принципа «муж более почтенен, жена менее почтенна» [1, с. 76]. Возможность женщины повысить свой статус заключалась в рождении ребенка, поскольку семейное и общественное положение матери и мачехи было весьма высоким.

Серьезным представляется анализ особенностей положения наложниц, осуществленный во втором разделе второй главы.

В традиционной патриархальной, патрилокальной и патрилинейной семье средневекового Китая женщины делились на две категории: те, кто рождался в доме, — дочери, и те, кто приходил в дом, — жены, наложницы и служанки-рабыни. Мужчина в рассматриваемый период мог взять в жены наложницу до своей официальной свадебной церемонии, после свадьбы или после смерти жены. С точки зрения закона наложница попадала в семью путем вступления в брак. При женитьбе на наложнице свадебный церемониал был существенно упрощен [1, с. 89].

Закон предписывал оформление брачного контракта. Передача платы за девушку ее семье — это момент приобретения женщиной статуса наложницы [1, с. 90]. Положение наложниц в семье было ниже, чем статус законной жены [1, с. 91].

Жена и наложница попадали в дом мужа абсолютно разными путями. В таком важном деле, как женитьба, китайцы вне зависимости от социального положения непременно привлекали сватов. Выбиралась самая достойная кандидатура жениха, чтобы молодожены были равного социального статуса. Выкуп и приданое были необходимыми составляющими свадебной обрядности. Наложница же появлялась в доме мужа путем купли-продажи [1, с. 96–97]. Положение наложницы могло поменяться кардинально, если она родила мужу сына.

Из анализа положения наложниц можно сделать поверхностный вывод, что система конкубината породила в Китае отдельную категорию «жен». Однако вряд ли можно «перенести» такой институт, как конкубинат (явление римской правовой системы), в правовую систему Китая, поскольку «римский конкубинат» — это неоформленное постоянное сожительство мужчины и женщины, которое не влекло за собой таких правовых последствий, которые были при законном браке.

В третьем разделе второй главы рецензируемой монографии освещены вопросы развода, повторного замужества и вдовства.

Разводы уже во времена ранней Цинь (221–207 гг. до н. э.) были весьма распространенным явлением. Полноценное постановление о разводах появилось только при династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Оно было оформлено в так называемые семь допустимых оснований для развода со стороны мужа, как минимум одно из которых может вызвать удивление и улыбку у современных людей. Речь идет о болтливости жены. Ограничением для «семи поводов» были три обстоятельства, когда жену прогонять нельзя, например если жена некогда носила траур по свекру или свекрови [1, с. 109].

В танском законодательстве, унаследовавшем ханьские «семь причин», появилась отдельная статья о нарушении супружеского долга со стороны как жены, так и мужа. Согласно пояснению к ст. 189 кодекса Тан нарушение супружеского долга предполагало семь видов ситуаций. Например, если муж нанес побои деду или бабке жены по мужской линии, ее отцу или матери [1, с. 113].

Допускался развод по обоюдному согласию, который стал новшеством в танском бракоразводном законодательстве. По мнению Ю. С. Мыльниковой, законодательство VII–XIII вв. о разводах было не только тщательно и внимательно разработано, но и являлось очень прогрессивным для своего времени по сравнению с предшествующими и последующими эпохами [1, с. 119].

Как в танскую, так и в сунскую эпоху законодательство наделяло женщину возможностью подать на развод и повторно выйти замуж, а число женщин, вступивших в повторный брак, существенно превосходило число целомудренных вдов. У вдовы и при Тан, и при Сун был законный выбор: остаться вдовой до конца своих дней, храня верность усопшему мужу, либо наладить свою личную жизнь, выйдя замуж повторно. Но нельзя забывать о том, что право выйти замуж не принадлежало лишь самой женщине, она его делила с родителями, чьей воле должна была подчиняться [1, с. 135].

В четвертом разделе второй главы при рассмотрении вопросов наследования имущества автор монографии отмечает, что если за долгую историю императорского Китая права мужчин в наследовании имущества изменялись мало, то новые правовые постановления вносили коррективы либо существенно меняли права женщин на собственность [1, с. 136].

Хотя основные принципы равного распределения между братьями исключали женщин из процедуры официального или прямого наследования, в распоряжении дочерей были определенные формы наследования собственности в доме родителей, например девушки наделялись имуществом в виде приданого. В частности, согласно завещаниям танского времени при разделе семейного имущества предполагалось выделить долю и дочерям [1, с. 138]. Если у женщины были дети, то после ее смерти приданое переходило к ним [1, с. 141].

При определенных обстоятельствах дочери оказывались вовлечены в иную форму наследования. Это связано с так называемыми выморочными хозяйствами *хуцзюэ*, в которых оба родителя умерли, не оставив после себя сыновей, а наследник усыновлен не был. Согласно танскому *линь о* похоронах, после того как оплачены похоронные расходы, оставшаяся часть имущества целиком переходила во владение дочерей [1, с. 147].

Если же дочь хотела получить вечное право на всю собственность *хуцзюэ* со всеми вытекающими последствиями (продолжение линии семьи, надлежащее ведение хозяйства, отправление ритуала и пр.), то она могла взять в мужья примака [1, с. 149].

Семьи без детей или те, в которых были лишь дочери, не желавшие брать в мужья примака, чтобы избежать зачисления в списки *хуцзюэ*, могли усыновить ребенка, назначив его наследником — продолжателем линии семьи [1, с. 151].

Несмотря на то что имущественные права женщин в доме родителей уступали правам мужчин, они располагали дополнительной возможностью — наследованием собственности в семье мужа. Хотя номинально имущество отца наследовали малолетние сыновья, фактически же распорядителем и владельцем собственности была вдова. Если сыновей не было, то вдова наследовала имущество умершего супруга и могла распоряжаться им в том случае, если она не выходила замуж повторно [1, с. 153].

Оставшись без мужа, вдова не только могла испытывать притеснения и посягательства на собственность со стороны родственников мужа, но и сталкивалась с трудностями ведения хозяйства и воспитания детей. В этом случае она могла выйти замуж за мужчину *цзецзюаофу* («муж, идущий по следам»), относящегося к одной из категорий примачков. Это означало, что мужчина переезжал в дом вдовы и должен был взять себе фамилию ее усопшего мужа [1, с. 155].

Таким образом, имелись реальные возможности для женщин получить часть семейной собственности.

Третья глава, состоящая из трех разделов, посвящена правовому положению монахинь, певичек, лично зависимых женщин.

Женщина, которая решила уйти в монастырь, должна была получить одобрение родителей или старших родственников на столь серьезный поступок.

По-видимому, положение буддийских монахинь как в светских, так и в религиозных кругах было равным с монахами. Своеобразным явлением китайского буддизма было то, что некоторые монахи жили в миру. Эти женщины принимали монашеский постриг, давали обет безбрачия, но продолжали жить в кругу своей семьи. Число буддийских монахинь превосходило число даосских, притом что даосизм в период правления династии Тан переживает период расцвета, однако его влияние на китайское общество уступало конфуцианству и буддизму [1, с. 168]. Принятие даосского пострига женщинами из императорского клана, знатных и образованных семей было также весьма распространенным явлением [1, с. 169]. С правовой точки зрения положение буддийских монахинь было равным с даосскими.

С расцветом городской культуры, в обстановке возникновения новых жанров искусства и массового увлечения литературой, в танском обществе появляются талантливые и эрудированные женщины — поэтессы, танцовщицы и певицы в одном лице, которые в отечественной синологии традиционно именуются «певичками» [1, с. 172].

Среди исследователей нет единства в отношении классификации наименований певичек. По юридической принадлежности певички делились на казенных и частных. По своему статусу казенные певички относились к категории лично несвободных людей. В 714 г. император Сюань-цзун повелел создать Левое и Правое училища [1, с. 172], которые стали важнейшим местом подготовки певичек со строгой припиской певичек к училищу. Обязанностями казенных певичек были увеселительные забавы. Певички определенной категории закреплялись за местными административными учреждениями для чиновников, чьи жены остались на родине. Будучи казенными зависимыми женщинами, они не находились в личном распоряжении конкретного чиновника, который, получив новое назначение, не мог забрать с собой полюбившуюся ему певичку [1, с. 179].

Домашние, или частные, певички проживали в домах состоятельных чиновников и ученых. На период правления династии Тан приходится пик их популярности. Наличие музыкально одаренной девушки в доме было престижно и подчеркивало статус хозяина. Она попадала в семью либо через сделку купли-продажи, либо в качестве подарка, что сближает ее с наложницей. Однако само предназначение певички и ее статус существенно отличались от предназначения и статуса наложницы. Во-первых, наложницы относились к категории лично свободных людей, а домашние певички — к лично зависимым. С сугубо правовой точки зрения на наложницах «женились»; таким образом, отношения наложницы и хозяина находились в рамках института семейно-брачных отношений. Статус певички был крайне непрочным и существенно ниже статуса наложницы [1, с. 181–182].

Так называемые простонародные певички проживали в публичных домах, винных лавках и чайных домах. Пока сложно установить, с какого времени в китайском обществе появляется такая категория певичек, но с уверенностью можно сказать, что посещение подобных заведений было очень популярным как при Тан, так и при Сун [1, с. 184].

Судьба большинства женщин в рассматриваемую эпоху была предопределена семейным бытом, замужеством и материнством. В противоположность этому жизнь буддийских и даосских монахинь, певичек при Тан и Сун проходила преимущественно в публичной сфере. Хотя их жизненный путь на определенных этапах был очень схож с судьбами большинства женщин, тем не менее их общественное положение, самоидентификация и самовыражение несопоставимы с традиционными ролями дочери, супруги и матери [1, с. 189].

При обращении к вопросам правового положения лично зависимых женщин в первую очередь следует помнить о том, что согласно китайскому законодательству лично несвободные делились на несколько групп. Особенно ярко проявляется зависимое положение рабов и зависимых людей на примере законов о семье и браке. Все зависимые люди, казенные и частные рабы и рабыни должны были заключать браки только с людьми соответствующих категорий [1, с. 191].

Когда брак заключался вопреки закону, он подлежал немедленному расторжению. Если в результате брака между свободным и зависимым человеком рождался ребенок, то, как правило, ребенок записывался как зависимый [1, с. 192].

У специалистов в области уголовного права, криминологии особый интерес вызовет *четвертая глава* монографии под названием «Женщина как жертва и субъект ответственности в сексуальных и семейных преступлениях». Исследование данной проблемы проведено на основе законодательства в Китае VII–XIII вв. о преступлениях против половой неприкосновенности (изнасилование, домогательство) и правонарушениях против общеустановленных морально-нравственных норм (блуд, супружеская неверность, инцест). Китайское кодифицированное право объединяло указанные преступления термином «развратные сношения» и предусматривало три основные категории обвинений: за вступление во внебрачные сексуальные отношения по обоюдному согласию, изнасилование и нарушение моральных устоев [1, с. 202]. Составы конкретных преступлений из законодательных актов средневекового китайского права с установленными санкциями обобщены и прокомментированы Ю. С. Мыльниковой в таблицах «Развратные сношения по обоюдному согласию и изнасилование» [1, с. 203–205], «Нарушение моральных устоев» [1, с. 214–217], «Преступления нижестоящих против вышестоящих» [1, с. 221–222], «Преступления вышестоящих против нижестоящих» [1, с. 224–225], обеспечивших наглядное представление о системе преступных половых сношений и демонстрирующих осознанный подход китайского законодателя того времени к защите сексуальной неприкосновенности женщин.

Однако китайское правотворчество и правоприменение не стоит идеализировать. Китайское право было устремлено на конфуцианскую идеологию и клановую структуру, на семью и клан проецировались моральные нормы взаимоотношений между людьми, а каждый человек был связан прочными семейно-клановыми узами на протяжении всей своей жизни. Старшие в роду могли действовать, как им заблагорассудится, а младшим запрещалось доносить. Это крайне неблагоприятно могло сказаться на положении невесток и других женщин, чей статус в семье был непрочным [1, с. 227].

В то же время при анализе преступлений против женщин от автора монографии ожидалось большее внимание к обязательным установлениям *люй*, которые закреплены традиционными уголовно-правовыми нормами.

Таким образом, монографическое исследование подтверждает исключительность исторического места периода Тан и Сун в эволюции правового положения женщин. В силу особенностей этнического и культурного развития рассматриваемый период был, выражаясь современным языком, достаточно либеральным. Как подчеркнуто в заключении монографии, широта предоставляемых законом прав женщинам в эпоху Тан-Сун является беспрецедентной в истории императорского Китая. Изменения в законодательстве в последующие эпохи, навязывание властью патриархальных конфуцианских идеалов негативно сказались на положении женщин. Глубинные причины поворота китайского законодательства от известного либерализма к патриархальному консерватизму до конца не изучены [1, с. 232].

Отмечая заметный вклад Ю. С. Мыльниковой в российское китаеведение в связи с тем, что в данной монографии впервые в отечественной китаистике было проведено комплексное, логически завершённое исследование правового положения женщин в истории Китая VII–XIII вв. на основе законодательных источников, хотелось бы подчеркнуть важность монографии и для других отраслей науки.

С позиции юридических наук и их преподавания востребованность данного труда очевидна. Монография может быть использована в вузовской учебной практике (при чтении лекционных курсов, подготовке учебных пособий, например, по истории права Китая), что позволит существенно дополнить имеющийся учебный материал. Выводы, сделанные в монографии, помогут в разработке конкретных научных проблем, связанных с правовым регулированием института семьи и брака в Китае, вопросами правонарушения и юридической ответственности с учетом китайской «специфики».

Литература

1. Мыльникова Ю.С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII–XIII века.). СПб.: НП-ПРИНТ, 2014. 336 с.
2. Волкова С.В. О правовом положении женщин в Афинском полисе (женщины в идеальном государстве и в реальной жизни) // Известия вузов. Правоведение. 1996. № 2. С. 138–143.

Для цитирования: Волкова С. В., Малышева Н. И. Правовое положение китайских женщин в Средние века // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 4. С. 516–523.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2017.412>

References

1. Myl'nikova Iu. S. *Pravovoe polozhenie zhenshchin v istorii srednevekovogo Kitaia (VII–XIII veka)* [*Legal Status of Women in the History of Medieval China (VII–XIII Century)*]. St. Petersburg, NP-PRINT Publ., 2014. 336 p. (In Russian)
2. Volkova S. V. O pravovom polozhenii zhenshchin v Afinskom polise (zhenshchiny v ideal'nom gosudarstve i v real'noi zhizni) [The Legal Status of Women in the City-State of Athens (Women in an “ideal” State and in reality)]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie* [*Proceedings of Higher Institutions. Jurisprudence*]. 1996, no. 2, pp. 138–143. (In Russian)

For citation: Volkova S. V., Malysheva N. I. The legal status of Chinese women in the Middle Ages. *Vestnik SPbSU. Law*, 2017, vol. 8, issue 4, pp. 516–523. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2017.412>

Статья поступила в редакцию 8 июня 2017 г.,
рекомендована в печать 29 августа 2017 г.